

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Константин Леонтьев

Византизм и славянство

«Что такое византизм?»

Византизм есть прежде всего особое лицо, образцованность или культура, имеющее свои отличительные признаки, свои общенациональные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия...

Византизм в государстве значит — самодержавие.

В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей...

«Что такое славянство?»

Ответа нет!.. Славян, каковы во всецелости своей, есть еще объект, западан.

Константин Леонтьев. Византизм и славянство // АСТ, АСТ Москва, Хранитель, Москва, 2007
ISBN: 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5
FB2: Denis, 2009-01-23, version 2
UUID: 54224547-3a18-102c-b1cf-18f68bd48621
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Николаевич Леонтьев

Дополнение к двум статьям о панславизме

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна и интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

Константин Леонтьев
Дополнение к двум статьям о
панславизме
(1884-го года)

С того времени, когда я писал эти две статьи, прошло *одинадцать лет*. Они были обе напечатаны в «Русском вестнике» 73-го года, вскоре после поместного Константинопольского собора, объявившего болгар «схизматиками». Понятно, как изменилось многое с тех пор и у нас, и в Турции... Теперь церковного разрыва русских с греками опасаться уже нельзя, как можно было его опасаться в 70-х годах. Болгария почти вся свободна, объединение ее отложено ненадолго; дни турецкого владычества по сию сторону Босфора сочтены. Русские люди все более и более начинают, по-видимому, разочаровываться в пользе и целесообразности политики чисто эмансипационной, и можно надеяться, что близок час, когда мы не только все поймем, но и скажем громко, что *присоединение* Царьграда, напр., гораздо необходимее и государственнее, чем платоническое освобождение славян.

Понятное дело, что и мои взгляды как на церковный вопрос, так и вообще на дела православно-турецкого Востока не могли не измениться в частности и оттенках, оставаясь

в основаниях неизменными.

Я верил и тогда, верю и теперь, что Россия, имеющая стать во главе какой-то ново-восточной государственности, должна дать миру и *новую культуру*, заменить этой новой славяно-восточной цивилизацией *отходящую* цивилизацию романо-германской Европы. Я и тогда был учеником и ревностным последователем нашего столь замечательного и (увы!) до сих пор одиноко стоящего мыслителя Н.Я. Данилевского, который в своей книге «Россия и Европа» сделал такой великий шаг на пути русской науки и русского самосознания, обосновавши так твердо и ясно теорию *смены культурных типов* в истории человечества.

Но, как г. Данилевский в своей книге слишком верит в славян, слишком исключительно надеется на них, так и я сам в то время, когда писал эти две первые статьи, живя в Царьграде, – слишком в них верил, слишком надеялся на самобытность их духа. Позднее, и даже очень скоро, я понял, что все славяне, южные и западные, именно в этом, столь дорогом для меня *культурно-оригинальном*

смысле, суть для нас, русских, не что иное, как неизбежное политическое зло, ибо народы эти до сих пор в лице «интеллигенции» своей ничего, кроме самой пошлой и обыкновенной *современной буржуазии*, миру не дают.

Это я пытаюсь изобразить и доказать в позднейших моих статьях и особенно в следующей за ними «Византизм и славянство».

Но и кроме подобных, по тому же пути дальше ушедших общих взглядов на Восточный вопрос и на великорусское культурное призвание, самые отношения мои к греко-болгарской церковной распре изменились довольно скоро при ближайшем знакомстве с делом и при новом положении моем в Константинополе, особенно благоприятным для освещения всех недавних событий. Изучая здесь дело ближе, узнавши и роль многих тайных пружин, я понял, что болгары не только отложились *своевольно* от патриарха (т. е. вопреки его запрещению), чего не сделали в свое время ни Россия, ни Сербия, ни Румыния, но и *преднамеренно* искали раскола, преднамеренно всячески затрудняли мирный

исход, чтобы произвести больше политических захватов; я понял, что они бестрепетно готовы потрясти всю Церковь и нарушить весьма существенные и важные уставы ее в пользу своей неважной и, видимо, ни к чему замечательному не призванной народности. Они хотели иметь экзархат не *административный, не топографический* в определенных границах, но экзархат *племенной*, «филетический», – как выразилось греческое духовенство на соборе 72-го года. Экзархат или даже патриархию административную, или топографическую, Вселенский патриарх мог бы им дать и был бы вынужден обстоятельствами сделать это позднее... но болгары желали экзархата «племенного», т. е. чтобы все болгары, где бы они ни находились, зависели бы прямо и во всех отношениях от своего национального духовенства. Конечно, патриарх *не имел* даже и *права* уступить их желаниям в *такой форме*. Болгары тогда отделились самовольно; а собор объявил их отделенными, т. е. отщепившимися, отщепенцами, «раскольниками»... Вот и все.

Итак, когда я в 73-м году писал эти две

предыдущие статьи о панславизме, я, во-первых, еще до многого не додумался, до чего додумался в Царьграде несколько месяцев позднее; а во вторых, я был стеснен и тем, что, состоя тогда на консульской службе, – обязан был не по необходимости только, но и по совести в печати являться более дипломатом или политиком *завтрашнего дня*, чем *социологом* или политиком более широкого грядущего; и еще моей авторской зависимостью от той редакции, для которой я писал *из-за полуторы тысячи верст*, не зная наверное, со всеми ли моими взглядами она будет согласна.

По всем этим причинам и подписался я тогда под обеими статьями этими – псевдонимом (Н. Константинов).

И, несмотря на всю сдержанность мою и на всю *изворотливость* моего выражения, редакция «Русского вестника» сочла необходимым напечатать следующую вставку на первой странице: «Печатая эти письма, доставленные нам лицом, долгое время живущим на Востоке и составившим себе определенные воззрения на нынешнее положение дел как там, так и вообще в Европе, мы не берем-

ся защищать все, что в них сказано. В некоторых мнениях мы можем оказаться несогласными с автором, но не можем, во всяком случае, не признать большого интереса за его письмами, возбуждающими мысль, живо характеризующими положение дел и настроение умов и приводящими вопросы времени к обдуманному выражению». Я упоминаю об этом вовсе не для того, чтобы выразить какое-нибудь неудовольствие на столь уважаемую мною редакцию г. Каткова, а скорее для того, чтобы оправдать себя и объяснить, что эти обе первые статьи мои *не только теперь*, но и тогда выражали не вполне то, что я думал и что я стал печатать позднее. *Знамя мое* было еще тогда не совсем развернуто...

И при всем том, что оно было не совсем развернуто, иные русские либерально-славянского духа уже и тогда сильно возмущались тем, что я в болгарях осмеливаюсь не быть ослепленным и называю вещи по имени. Они, кажется, даже презирали меня за эту прямооту и ясность как за какую-то политическую наивность.

Я же в этой прямооте выражений вижу и

политическую пользу.

Я понимаю, что в политике нередко полезно или необходимо обманывать словами и фразами других, чужеземцев; но зачем же обманывать самих себя и свое, русское, общество этими фразами и словами – это мне непонятно!